

Сяо Фэн долго и запальчиво изливал желчь, прежде чем заметил: Янь Фуи даже веком не повёл. Ресницы его замерли, словно припорошенные инеем.

— Старший шисюн, и для кого ты сейчас разыгрываешь эту покорность?

Сяо Фэн наклонился и, грубо перехватив пальцами заострённый подбородок Янь Фуи, слегка потряхнул его:

— Не хочешь поздравить меня?

Первый ученик Пика Меча безвольно подчинился чужой силе, даже не думая сопротивляться.

Сяо Фэн нахмурился. Спесь с него мгновенно сошла.

До чего же пресно.

Какой прок от триумфа, если поверженный враг не умоляет о пощаде в панике и не бьётся в бессильной ярости? Без этого упоение победой превращалось в нелепый монолог перед зеркалом — глупое, ребяческое зрелище.

— Янь Фуи, — Сяо Фэн сжал пальцы на его горле и рванул вверх, приподнимая безжизненное тело над постелью. — Презираешь меня? Отвечай!

Но даже теперь обмякшее в его руках тело оставалось пугающе неподвижным.

Внезапно страшная догадка обожгла Сяо Фэна, и он испуганно разжал пальцы.

Янь Фуи глухо рухнул обратно на подушки. Голова его безжизненно скатилась набок, тёмные пряди шелковых волос закрыли лицо. Он не шевелился. Казалось, он даже перестал дышать.

Сяо Фэн сам не заметил, как у него нервно дрогнули пальцы.

— Шисюн?..

Помедлив, он боязливо потянулся к безжизненно свисавшему с края кровати тонкому запястью. Кожа была бледной, почти прозрачной.

— Янь Фуи?

От лежащего веяло могильным холодом — стоило коснуться его пальцев, как Сяо Фэна едва не

прошиб озноб. Жизнь угасала в этом теле.

В груди Сяо Фэна шевельнулся липкий страх. Маска самодовольного триумфатора вмиг осыпалась, уступив место панике. Ощущение было такое, будто он шагнул со скалы в пустоту и теперь стремительно летит на дно бездонного ущелья.

Янь Фуи не должен умереть. Только не сейчас, только не так!

— Эй! Приди в себя!

Стиснув зубы, Сяо Фэн рывком усадил юношу, прижал раскрытую ладонь к его спине между лопатками и принялся отчаянно, не жалея сил, вливать в него исцеляющую духовную энергию.

Одно дело — раздавить старшего шисюна морально, доказать своё превосходство, и совсем другое... Нет, Янь Фуи не имел права умирать в этой душной комнате!

Даже Система поддалась панике. На невидимом для Сяо Фэна уровне её голос, прежде неизменно циничный и беспечный, зазвучал с нескрываемой тревогой. Электронный зов волнами бился в утасаживающем море сознания Янь Фуи, тщетно пытаясь вызвать хотя бы слабую вспышку жизни.

«Фуи, я верю, ты не сдашься вот так просто. Очнись же!»

«Потерпи ещё немного, хорошо?»

«Прости... Я всегда оставлял тебя одного. Но клянусь, отныне я буду рядом»

Янь Фуи чудилось, будто он погружается в бездонную пучину.

Он не слышал яростных выкриков Сяо Фэна. Истерзанное, исчерпавшее все резервы тело едва ли могло поддерживать проблески рассудка, не говоря уже о том, чтобы как-то реагировать на внешний мир.

С тихим вздохом последний пузырёк воздуха вырвался из груди, и его увлекло ещё глубже, во тьму холодного океана.

Вокруг смыкался покой. Лишь мерный, приглушённый шёпот воды ласкал слух — сонный, убаюкивающий, дарящий долгожданное избавление.

«Лучшего места для отдыха и не придумать, — отрешённо подумал Янь Фуи. — Как же хочется спать...»

Но чей-то далёкий, настойчивый голос упрямо не позволял ему закрыть глаза.

Этот зов легко пробивал толщу воды, разрушая спасительные коконы безмолвия. Он бесцеремонно ввинчивался в уши — навязчивый, тревожный, неостановимый. Разобрать слова не удавалось, и это невыразимо раздражало.

«Замолчи... Пожалуйста, дай мне хоть немного тишины».

Когда Сяо Фэн наконец покинул комнату, колени у него всё ещё дрожали.

В своём триумфе он совсем потерял голову. Позабыл, что старший шисюн едва пережил Громовую Кару, а его меридианы и без того были разрушены. Ещё одна капля — и эта хрупкая оболочка разлетелась бы вдребезги.

Янь Фуи обязан жить.

Сяо Фэн жадно хватал ртом прохладный ночной воздух, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Лишь теперь его начал бить запоздалый озноб от пережитого испуга.

До боли было жаль потраченную Великую пилюлю возвращения девяти превращений — сокровище, на которое он так долго копил системные очки.

Но если подумать, какую пользу принесёт живой Янь Фуи, цена казалась вполне оправданной.

Едва Ли Цинхэ покинул обитель своего отца и поравнялся с опустевшим двориком, когда-то принадлежавшим его старшему брату Ли Фуюю, дорогу ему преградил Янь Тиншуан.

— Цинхэ, — Янь Тиншуан приветливо, как и всегда, улыбнулся. — Ты ушёл на Гору Неоставления целых пять лет назад. Из-за суматохи последних дней я так и не успел спросить: как ты поживал всё это время?

Ли Цинхэ остановился. Лёд в его взгляде едва заметно подтаял:

— Всё хорошо.

Они двое, покойный брат Ли Фуюй и близнецы Янь росли бок о бок с самого детства. Кто же знал, что судьба сделает столь крутой поворот, оставив от их четвёрки лишь двоих.

Тиншуан никогда особо не нравился Ли Цинхэ, но сейчас, видя в нём верного союзника против Янь Фуи, он снизошёл до вежливости.

— Если ты не занят, шиди, заглянешь на Пик Меча выпить чаю?

Ли Цинхэ иронично приподнял бровь:

— Не виделись несколько лет, а ты, я погляжу, обжился на Пике Меча так, будто сам стал его полновластным хозяином.

Янь Тиншуан скромно потупился, на его губах заиграла мягкая улыбка:

— Лишь благодаря великодушию учителя.

«Жалкий глупец», — усмехнулся про себя Ли Цинхэ, поражаясь неспособности собеседника распознать откровенную насмешку.

Но в глубине души его точил праздный интерес. Янь Фуи заслуживал самой лютой смерти, в этом сомнений не было. Однако своего близнеца он оберегал и осыпал щедротами всю жизнь. Почему же Тиншуан, главный получатель всех благ, ненавидел родного брата едва ли не сильнее, чем все остальные, вместе взятые?

А сам Янь Фуи — проницательный, расчётливый, грозный противник в любых других делах — оказался слеп и глуп в том, что касалось их кровных уз.

Потоптавшись на месте и покружив вокруг да около, Янь Тиншуан наконец перешёл к сути. Ведя беседу самыми окольными путями и свято веря в собственную скрытность, он принялся расспрашивать о трактате «Очищение Костей Небесной Оси».

Этот трактат, утерянная жемчужина знаменитого «Канона Небесной Оси» с Горы Неоставления, содержал тайные техники невероятной силы.

Легенды гласили: постигший его тайны до конца способен — при помощи редких трав и особых формаций — забрать чужие духовные кости и пересадить их себе.

Но в отличие от чёрного ведовства демонических отступников, «Очищение Костей» имело одну удивительную особенность. При обоюдном согласии мастер и тот, кто отдавал свои кости, сливали корни воедино. Это было равное, чистое разделение дара, а не жестокое порабощение чужой плоти ради создания безликого сосуда.

Духовные кости издавна оставались самой болезненной раной для уязвлённого самолюбия Янь Тиншуана.

Они родились близнецами, но, кроме проклятия вечной борьбы божественной и демонической энергии в телах, не имели ничего общего. Разные лица, разные характеры и, что больше всего, совершенно несопоставимый духовный потенциал.

Природа одарила Янь Фуи так щедро, что завидовал весь мир заклинателей: чистейший Небесный Духовный Корень Ледяной Стихии и вдобавок — уникальные, рождающиеся раз в тысячелетие Врожденные Кости Меча.

Тиншуану же достался заурядный, хоть и чистый, водный корень. Дар достойный, один на десять тысяч, но рядом с ослепительным величием брата он казался невзрачной тенью.

Пока разница не бросалась в глаза, но стезя самосовершенствования сурова: чем дальше уходишь по ней, тем круче подъём. Рано или поздно пропасть между ними станет непреодолимой.

И принять это Янь Тиншуан не мог.

С самого детства, пусть даже Янь Фуи рос признанным гением, последнее слово оставалось за младшим. В любом соперничестве — будь то за ласку матери, благосклонность учителя или редкие сокровища — победителем неизменно выходил он, Янь Тиншуан.

Тайная мысль укоренилась в его душе, пока однажды, бродя среди полок Башни Библиотеки, он случайно не наткнулся на уцелевший свиток «Очищения Костей Небесной Оси».

С тех пор им овладела навязчивая, безумная идея: отыскать полный текст учения и разделить с братом его великолепные, манящие Кости Меча.

Он твердил себе, что брат никогда и ни в чём ему не отказывал, а значит, уступит и тут. Но, судя по себе, Тиншуан не до конца верил в чужую щедрость, а потому из кожи вон лез, чтобы утаить замысел от Янь Фуи, который тогда безраздельно управлял Башней Библиотеки.

Эта жажда и толкнула его в объятия амбициозного Сяо Фэна. Стоило их интересам совпасть, как они сговорились прибрать управление архивами к рукам.

Однако фортуна отвернулась от заговорщиков.

Заполучив заветную Башню Библиотеки, ни Тиншуан, ни Сяо Фэн так и не смогли отыскать ни единой зацепки.

Хуже того, служащие Зала Дисциплины, Зала Эликсиров и Трав и самой Башни — от почтенных личных учеников до простых чернорабочих — выказали ту же надменность, что отличала их прежнего покровителя. Новое руководство они встретили ледяным презрением. Никакой лести или заискивания — лишь тихий саботаж, нарочитая волокита и глухое

неповиновение.

А ведь позорный приговор Янь Фуи зачитывали прилюдно на Террасе Испытания Совести на глазах у всего ордена Куньлунь, а вести о его бесчинствах в Долине Десяти Тысяч Демонов давно разнеслись по всем Девяти Провинциям. Казалось бы, его имя растоптано. Но преданные ему глупцы упрямо держались за призрак прошлого, сковывая новых хозяев бюрократическими путами и ставя палки в колёса при каждом удобном случае.

К счастью, в этот тупиковый миг Янь Тиншуан вспомнил о Ли Цинхэ, едва вернувшемся с Горы Неоставления. Трактат об «Очищении Костей» происходил именно из тех мест, и расспросить его было лучшим решением.

Ли Цинхэ тонко улыбнулся:

— Свойства этой техники и впрямь удивительны. Но посуди сам: духовный корень для заклинателя дороже жизни. Где сыскать безумца, готового добровольно разделить свой дар с другим?

— К тому же для завершения обряда требуется не только начертить сложнейшую древнюю формацию, но и раздобыть легендарное сокровище первозданного мира — Траву Звездного Ущелья.

Янь Тиншуан прикусил губу и осторожно прощупал почву:

— А если... если тот, у кого забирают кости, воспротивится? Неужели совсем нет лазейки?

Вспомнив их последний разговор, он уже не был так уверен в безграничной покорности старшего брата.

— Если согласия нет, то и о трактате можно забыть, — отрезал Ли Цинхэ. — Иначе это будет обыкновенное насилие, путь демонических тварей, за который карают смертью.

Янь Тиншуан натянул вымученную улыбку:

— Разумеется... ты прав.

В глазах Ли Цинхэ промелькнула едва уловимая искра. Он мимолётно покосился на соседние постройки, скрывая затаённый азарт.

— Однако, — протянул он, понизив голос, — из каждого правила бывают исключения. Известны случаи, когда угасающие старейшины великих родов перед кончиной передавали свои силы наследникам. В такие мгновения разум их блуждал во тьме, а духовная сила таяла,

так что о подлинной воле судить было трудно.

— Вот именно! — подался вперёд Янь Тиншуан, невольно выдавая нетерпение. — Как же поступали в подобных случаях?

— Здесь открывается обходной путь.

Ли Цинхэ пристально посмотрел на собеседника, словно взвешивая его решимость:

— Если заклинателей связывает кровь, если зачинщик ритуала сумеет подчинить себе чужое духовное оружие, а тело угасающего донора действительно слабнет с каждым часом... тогда можно прибегнуть к скрытой части обряда, именуемой Наследием.

— Наследие?

Ли Цинхэ медленно кивнул:

— Именно. Но этот способ выпивает жизнь без остатка. По сути, духовные кости выдирают из плоти живьём, разрывая каналы крови и духа. Учитывая крайнюю немошь донора перед началом ритуала, тот, кто оставляет подобное Наследие, почти наверняка обречён на смерть.

Елейная, мягкая улыбка сползла с лица Янь Тиншуана. Пальцы, скрытые широкими рукавами одеяний, судорожно сжались в кулаки.

Да, он ненавидел брата всем сердцем. Но желал ли он ему смерти? Кровь застыла в жилах от одной этой мысли.

«Кем же я тогда стану? Хладнокровным убийцей, забравшим чужую жизнь ради редкого дара? Если об этом прознает учитель, грозный и безупречный старейшина Вэньтянь, он отречётся от меня в ту же секунду».

«Я ведь не этого хотел...»

Лицо Тиншуана то бледнело, то шло багровыми пятнами. Разум отчаянно цеплялся за самооправдания: «Разве я злодей? Вовсе нет. Янь Фуи и так погубил себя. Путь истинного заклинателя для него закрыт, репутация очернена позором, тело искалечено пытками. Зачем ему влачить это жалкое существование?»

«Он всегда любил меня больше жизни. Будь у него выбор, разве он сам не захотел бы оставить мне своё наследие, чтобы уберечь младшего брата от невзгод?»

«Да и выживет он, наверняка выживет. Брат ведь терпелив как никто другой. А когда я получу Небесный Корень и он смирится со своей участью, я заберу его к себе, буду заботиться о нём до конца его дней... Разве это не лучший исход для нас обоих?»

— Маленький шисюн, — Ли Цинхэ вкрадчиво прищурился, изогнув губы в обманчиво ласковой улыбке. — Какое совпадение. Уходя с Горы Неоставления, я получил от наставника дозволение заглянуть в свитки «Очищения Костей». И он лично вручил мне снадобье, необходимое для совершения ритуала Наследия.

Последние сомнения Янь Тиншуана рассеялись. Словно поддавшись наваждению, он медленно протянул руку, и в его ладонь лёг изящный нефритовый флакон.

Ли Цинхэ произносил каждое слово отчётливо и неторопливо, будто обращался не только к побледневшему Тиншуану, но и к невидимому свидетелю, затаившемуся в тени:

— Если судьба улыбнётся тебе и ты найдёшь подходящего... человека, смешай вашу кровь с этой пилюлей в водах Холодного Источника Небесных Гор. А после омой этим раствором его духовный артефакт... Меч Чистого Инея. Обряд совершится сам собой.

Разумеется, он предпочёл умолчать об одной незначительной детали. Если во время обряда Наследия в сознании донора затеплится хотя бы искра ясного разума, если в глубине его истерзанной души шевельнётся хоть капля протеста или нежелания отдавать свой дар...

Тому, кто дерзнул силой присвоить чужие кости, придётся заплатить за свою алчность страшную цену.

<http://bllate.org/book/20278/2115093>